

момент». Н. Н. Дурново указывал на соответствие этой формы по значению старому перфекту¹.

На стр. 194 (в самом начале раздела «Причастия») говорится, что «причастия в русском языке — категория, обязанная воздействию на книжный русский язык древнеболгарского языка». Обо всех причастиях этого сказать нельзя. Краткие страдательные причастия сохранялись как живая категория разговорной речи на всем протяжении истории русского языка, вплоть до настоящего времени.

На стр. 195 автор особо останавливается на причастии *падающий* от глагола *пасть* и с полным основанием указывает на возможность употребления этого глагола в прошлом в значении несовершенного вида. Можно было бы, помимо приводимых здесь соображений, сослаться еще на старое причастие настоящего времени (в русской форме), ставшее в современном языке прилагательным — *падающий* (например, в сочетаниях *падающая болезнь, падающая звезда*)².

На стр. 201, в дополнение к перечисляемым прилагательным с суффиксом *-м-*, по происхождению являющимися страдательными причастиями (и, таким образом, служащим подтверждением того, что и живому древнерусскому языку были свойственны различные категории причастий), можно было бы привести широко распространенное в древнерусском языке *орамы* и т. п.³. В некоторых частях книга производит впечатление недоработанности. Этим, возможно, объясняется и отсутствие в ней ряда важных разделов, о чем говорилось выше. Видимо, болезнь последних лет помешала автору сдать работу в печать в том виде, в каком он сам хотел бы ее видеть.

Можно сделать, наконец, и упрек типографии. Книга печаталась в ленинградской академической типографии, и мы ожидали бы более строгого сохранения всех транскрипционных обозначений. Например, на стр. 167 и 168 неточно переданы сербские примеры: *крѣсти* вместо *крѣсти*, *рушити* вместо *рушити*.

Хотя книга в целом и не включает, как уже было сказано, результаты исследований последних лет, тем не менее в ней представлен обширный конкретный материал, тщательно систематизированный и проанализированный и сопровождаемый многими весьма интересными, хотя местами и спорными теоретическими обобщениями. Труд С. П. Обнорского, несомненно, явится настоящей книгой любого лингвиста, занимающегося изучением современного состояния морфологического строя русского языка и его исторической морфологией.

П. С. Кузнецов

Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954. 263 стр⁴.

Перевод книги современного китайского языковеда Ван Ляо-и (Ван Ли) «Основы китайской грамматики» представляет большой интерес для советского читателя. Китайские ученые много сделали в области изучения своего родного языка. Их грамматические теории во многом оригинальны и часто не совпадают с представлениями, распространенными в западноевропейском и русском языкознании. Взгляды китайских языковедов по отдельным вопросам китайской грамматики несомненно оказали определенное влияние на советское Китаеведение; некоторые грамматические термины классической китайской филологии («полные», т. е. знаменательные, и «пустые», т. е. служебные, слова) вошли во многие работы по общему языкознанию. Однако перевод работы проф. Ван Ляо-и является первой книгой на русском языке, дающей более или менее полное представление о всех основных вопросах китайской грамматики с точки зрения ученого-китайца.

Книга проф. Ван Ляо-и рассчитана на неподготовленного читателя, знающего китайский язык как родной, но не занимавшегося его теоретическим изучением. Автор включил в нее преимущественно те положения, которые он считал бесспорными и наиболее важными. Надо отметить, что очень многие существенные особенности грам-

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 337.

² Ср. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Варшава, 1895, стр. 171.

³ Ср. В. Навгапек, Genera verbi..., II, Praha, 1937, стр. 58.

⁴ Перевод с китайского Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня, предисл. А. А. Драгунова и Л. Д. Позднеевой, примеч. А. А. Драгунова. Первое издание книги Ван Ляо-и в Китае вышло в 1946 г.; перевод сделан с 4-го стереотипного издания (Ван Ляо-и, Чжунго юйфа ганъяо, Пекин, 1951).

матических взглядов проф. Ван Ляо-и характерны и для большинства других китайских лингвистов.

Едва ли не важнейшей отличительной чертой изложения грамматики китайского языка у проф. Ван Ляо-и является отсутствие морфологии как самостоятельной дисциплины. Отсутствие морфологии в работах большинства китайских языковедов объясняется, повидимому, тем, что словообразование они обычно не включают в грамматику¹, а показатели грамматических категорий рассматривают как служебные слова или частицы, которые могут отделяться от оформляемых ими знаменательных слов и, следовательно, не входят в состав определенного слова или во всяком случае характеризуют не слово как таковое, а член предложения. Например, морфему *ды* проф. Ван Ляо-и рассматривает как показатель определения (стр. 34), грамматические показатели категории вида — *ла* и *чжо* — считает оформлением не глагола, а глагольного сказуемого (стр. 109) и т. п. Таким образом, главное место в «Основах китайской грамматики» занимает синтаксис.

Что касается частей речи, то их проф. Ван Ляо-и тоже не связывает с морфологией, рассматривая их как классификацию слов, основанную «почти исключительно на значении» (стр. 45). Правда, Ван Ляо-и говорит о служебных морфемах, являющихся показателями отдельных частей речи (стр. 47), но, повидимому, не придает им большого значения. Несколько более подробно говорит он о связи между принадлежностью слова к определенной части речи и функциями, которые слово может выполнять в предложении (стр. 48—51).

С классификацией слов по частям речи связана предлагаемая проф. Ван Ляо-и классификация простых предложений китайского языка. Проф. Ван Ляо-и выделяет три типа простых предложений: предложение-сообщение, предложение-описание и предложение-суждение. В первом из них сказуемое обычно бывает выражено глаголом, во втором — прилагательным, в третьем — существительным.

Однако соответствие между типами предложения и частями речи — не всегда полное. В особенности много переходных случаев между предложением-сообщением (глагольное сказуемое) и предложением-описанием (сказуемое, выраженное прилагательным). Проф. Ван Ляо-и указывает два грамматических признака предложения-сообщения: сказуемое этого предложения может иметь дополнение и оформляться при помощи грамматических показателей вида. Предложение-описание же обозначает постоянное или по крайней мере существующее очень долго качество; если сказуемое, выраженное прилагательным, оформляется показателем вида, оно уже не обозначает постоянного признака и становится сказуемым предложения-сообщения. С другой стороны, если глагол имеет при себе морфему, придающую ему пассивное значение и, следовательно, лишаящую его способности иметь дополнение, он употребляется как сказуемое предложения-описания². Итак, при определенном оформлении или в составе определенных сочетаний прилагательное может быть употреблено как сказуемое глагольного типа, и наоборот.

Существует и еще один переходный случай между предложением-сообщением и предложением-описанием, не отмеченный в книге проф. Ван Ляо-и: это — предложение со сказуемым, выраженным так называемыми глаголами не-действия (*цзидэ* «помнить», *синь* «верить», *на* «боиться», *сигуань* «любить», *сян* «быть похожим» и др.). Эти глаголы могут иметь дополнение, но никогда не оформляются показателями вида и обозначают постоянное или длительное свойство человека.

Предложение-суждение более четко отграничено от двух других типов, так как существительное может быть сказуемым только в предложении-суждении³. Поэтому,

¹ Так, в «Лекциях по грамматике и стилистике» Люй Шу-сяня и Чжу Дэ-си сведения по словообразованию включены в раздел лексики; см. Люй Ш у - с я н, Ч ж у Дэ - с и, Юйфа сюцы цзянхуа, Пекин, 1954, стр. 37—38. В «Основах китайской грамматики» Ван Ляо-и, где вопросы лексики не затрагиваются, словообразование рассматривается в главе, посвященной основным языковым единицам китайского языка — слогу, слову и словосочетанию.

² Некоторые из морфем, перечисленных в этой связи на стр. 136 рецензируемой книги, всегда придают глаголу пассивное значение; таковы *вэ* «можно», *хэо* «хорошо», *гоу* «достаточно» и т. п. Другие, как, например, *дэ* «можно» и *будэ* «нельзя», не обязательно лишают глагол способности иметь дополнение; так, на стр. 177 проф. Ван Ляо-и приводит (по другому поводу) пример: *Во\ши\шоу\будэ\чжэан\мо\чжэды* «Я не перенесу таких мучений». В этом предложении глагол *шоу* «переносить» присоединяет к себе *будэ* и в то же время имеет дополнение. Но во всяком случае глагол в сочетании с перечисленными на стр. 136 морфемами, независимо от того, утрачивает он дополнение или нет, не может оформляться показателями вида, и, следовательно, предложение с таким глаголом в качестве сказуемого не имеет одного из признаков предложения-сообщения.

³ На стр. 109 проф. Ван Ляо-и говорит, что некоторые существительные могут, оформляясь показателями вида, употребляться как сказуемое предложения-сообщения.

строго говоря, правильнее было бы выделять в китайском языке не три, а только два основных типа предложений — именное (со сказуемым, выраженным существительным) и глагольное (со сказуемым, выраженным глаголом или прилагательным)¹; предложение-сообщение и предложение-описание в таком случае будут лишь двумя подтипами глагольного предложения, связанными между собой рядом переходных случаев.

Как предложение-сообщение, так и предложение-описание могут быть превращены (по крайней мере формально) в предложение-суждение; для этого к сказуемому предложения присоединяется морфема *ды*, превращающая его в имя, а перед сказуемым вставляется связка (стр. 146—147). Одинаковая возможность такой конструкции, содержащей связку и морфему *ды*, тоже сближает между собой предложение-сообщение и предложение-описание и противопоставляет оба эти типа предложению-суждению.

В связи с вопросом о классификации простых предложений у проф. Ван Ляо-и следует сказать еще несколько слов относительно категории вида. В большой работе Ван Ляо-и «Принципы китайской грамматики»² перечисляются семь видов, существующих в китайском языке (см. об этом стр. 245, прим. 14 рецензируемой книги); однако в рецензируемой книге он рассматривает только три из них — совершенный, длительный и недавнопрошедший. Выбор этот, повидимому, не случаен. Дело в том, что показатели этих трех видов — морфемы *-ла*, *-чжо* и сочетание *лайчжо* — фактически обозначают не только вид, но и время (в то время как видовые показатели, не упоминаемые в рассматриваемом труде, имеют действительно чисто видовое значение): *-ла* и *лайчжо* указывают на прошедшее время, а *-чжо* — на настоящее (в том числе на настоящее относительное, т. е. на совпадение времени действия с моментом речи, а с каким-нибудь другим моментом, указанным в предложении). Правда, проф. Ван Ляо-и приводит ряд примеров употребления *-ла*, где речь идет о действиях, ожидающихся в будущем. Но это возможно только в том случае, если *-ла* оформляет сказуемое придаточного предложения (тогда *-ла* указывает на предшествование одного действия другому) или же все предложение в целом обладает определенной модальностью; вне этих особых условий *-ла* все же выражает именно прошедшее время. Таким образом, морфемы, которые проф. Ван Ляо-и рассматривает в рецензируемой книге как показатели вида, правильнее считать показателями смешанных, видо-временных категорий.

Интересна развиваемая проф. Ван Ляо-и теория сложного предложения. Ван Ляо-и различает два случая:

1. Предложение включает в свой состав конструкцию с предикативной связью, которая в целом выступает в функции одного из членов этого предложения, например: *-Вомынь \ бу чжидао Чжан сяньшэн /лай* «Мы не знали, что господин Чжан придет». *-Чжан сяньшэн /лай* «Господин Чжан придет» — это конструкция с предикативной связью, которая может быть употреблена и как самостоятельное предложение; но в данном примере она является лишь частью другого предложения, выполняя в нем функцию дополнения. Остальная часть предложения — *-вомынь \ бу чжидао* — не может быть употреблена отдельно как законченное высказывание, так как в ней отсутствует дополнение. Предложение, содержащее конструкцию с предикативной связью, в рецензируемом труде называется «объемлющим предложением». В других своих работах проф. Ван Ляо-и рассматривает такое предложение как простое.

2. Предложение состоит из двух конструкций с предикативной связью, которые не входят одна в состав другой и не выполняют функций членов предложения, а связаны между собой при помощи союзов или благодаря отсутствию между ними паузы, например: */Ни сыла, -во \ цзо /хэшан* «Если ты умрешь, я стану монахом». Каждая из частей этого предложения (разделенных в транскрипции запятой) может быть употреблена как самостоятельное предложение. Только этот второй случай проф. Ван Ляо-и рассматривает как сложное предложение (стр. 170).

«Объемлющее предложение» соответствует русским сложноподчиненным предложениям с придаточным определительным, придаточным дополнительным, придаточным подлежащим и т. п. Конструкции с предикативной связью, выступающие в функции того или иного члена предложения, проф. Ван Ляо-и классифицирует на основании тех же принципов, что и обычные члены предложения, выраженные отдельным словом.

К настоящим сложным предложениям проф. Ван Ляо-и относит сложносочи-

ния. Очевидно, имеются в виду такие случаи, как пример С на стр. 110. Однако в этом примере слово *Унай*, которым выражено сказуемое, является глаголом («кормить грудью»), а не существительным; оно остается глаголом и без специального оформления, в то время как соответствующее существительное внизу — *найцзы* «молоко» имеет именную суффикс *-цзы*.

¹ Подробнее см. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I — Части речи, М. — Л., 1952, стр. 92.

² См. Ван Ли, Чжунго юйфа лилунь (Принципы китайской грамматики), т. I, 2-е изд., Шанхай, 1951, стр. 283—284.

ненные предложения (стр. 171), а также сложноподчиненные с придаточным временным, условным, уступительным, мотивировочным (с союзом $\backslash$ цзи или $\backslash$ цзи / жэнь «поскольку»), причинным, целевым и результативным¹ (стр. 177). Автор только перечисляет эти типы сложноподчиненных предложений, не давая никакой классификации их. Между тем такая классификация (основанная на грамматических, а не только на смысловых критериях) возможна. Прежде всего, предложения с придаточным цели и результата отличаются от всех остальных тем, что в них «главная» часть предшествует «зависимой» (т. е. главное предложение — придаточному), а не наоборот (см. стр. 183, 185), а также тем, что союзы в предложениях этих двух типов этимологически являются глаголами или прилагательными. Остальные сложноподчиненные предложения, у которых на первом месте — зависимая часть, можно в свою очередь разделить на две группы, различающиеся по оформлению главной части. Одну группу образуют предложения с придаточным временным, условным, мотивировочным и причинным. Главная часть этих предложений может содержать союзы $\backslash$ цэю, $\backslash$ бянь «то», «тогда» или /цай «только тогда» (по происхождению являющиеся наречиями). В другую группу входит сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным. В главной части этого предложения никогда не употребляются $\backslash$ цэю, $\backslash$ бянь и /цай, но может быть употреблен союз *ve* «все-таки», «все равно» (тоже происходящий от наречия) и некоторые другие².

С «объемлющим предложением» проф. Ван Ляо-и сближает две другие грамматические конструкции: предложение, содержащее сказуемый оборот, и «последовательно связанное предложение».

Сказуемый оборот, так же как конструкция с предикативной связью, входит в состав предложения, являясь каким-нибудь его членом. Главным словом сказуемого оборота является глагол, который может иметь при себе дополнение или обстоятельство, но не имеет собственного подлежащего, например: $\backslash$ Цзай / бу $\backslash$ би $\backslash$ ци / шу во ды $\backslash$ няньтоу «Пусть у вас больше не возникнет в мысли о том, чтобы выкупить меня» (стр. 156). Слова / шу во «выкупить меня» являются сказуемым оборотом. Они не образуют конструкции с предикативной связью, так как глагол / шу «выкупить» не имеет подлежащего; в переводе на русский язык ему соответствует неопределенная форма глагола. В то же время само слово / шу в китайском примере не является неопределенной формой: оно имеет то же оформление (целое), которое оно имело бы и в функции сказуемого.

Однако примеры сказуемых оборотов, приводимые проф. Ван Ляо-и в рецензируемой книге (стр. 156—158) и в других работах (см. о них стр. 254—256, прим. 3 и 5), неоднородны. Сравним следующие две группы примеров³:

1. $\backslash$ сян $\backslash$ си $\backslash$ фан / сюнь $\backslash$ чжао $\backslash$ чжэнь $\backslash$ ли ды / жэнь $\backslash$ у «люди, стремившиеся найти истину на Западе»;

/ Си / жэнь $\backslash$ чжао $\backslash$ шюу $\backslash$ цзю та «Си-жэнь, делая ей знак рукой, зовет ее».

2. / шу во ды $\backslash$ няньтоу «мысль о том, чтобы выкупить меня»;

/ Цзюу / Эго / жэнь ды / лу — $\backslash$ чжэ $\backslash$ цзюши / цзе $\backslash$ лунь «Идти по пути русских — таков был вывод».

В этих примерах глаголы / сюнь $\backslash$ чжао «стремиться найти» (дословно «искать»), $\backslash$ чжао «делать знак», / шу «выкупить», / цзюу «идти» (вместе с зависящими от них словами) представляют собой сказуемые обороты, поскольку все они не имеют собственного подлежащего. Однако сказуемые обороты в примерах первой группы (с глаголами / сюнь $\backslash$ чжао и $\backslash$ чжао) обозначают действия, совершаемые определенным действующим лицом, указанным в предложении (соответственно — / жэнь $\backslash$ у «люди» и / Си / жэнь). При этом связь между действием и определенным действующим лицом в обоих примерах узнается из структуры предложения, т. е. она выражена грамматически, а не угадывается по смыслу: сказуемый оборот, являющийся определенным к существительному (первый пример первой группы), обозначает действие лица, обозначенного этим существительным, а сказуемый оборот, определяющий настоящее сказуемое предложения (второй пример той же группы), относится к тому же действующему лицу, что и само сказуемое, — к лицу, обозначенному подлежащим. Напротив, в примерах второй группы сказуемый оборот обозначает действие отвлеченно, без отнесения его к какому бы то ни было определенному действующему лицу;

¹ Мы в данном случае пользуемся общепринятой в советском языкознании терминологией. У самого проф. Ван Ляо-и отсутствуют термины «придаточное предложение» и «главное предложение»; автор говорит иногда только о «зависимой» и «главной» частях сложноподчиненного предложения.

² Кроме предложений с придаточным уступительным, существуют и некоторые другие типы сложноподчиненных предложений, не указанные в «Основах китайской грамматики», в которых главная часть тоже не может быть оформлена при помощи союзов $\backslash$ цэю, $\backslash$ бянь и /цай. Эти предложения можно объединить в одну группу с придаточным уступительным.

³ Все примеры (кроме последнего) привожу в сокращенном виде.

даже если действующее лицо и можно угадать, то только по контексту, а не по конструкции предложения.

Между примерами первой и второй групп имеется и еще одно различие. Глагол в составе сказуемых оборотов первой группы может оформляться служебными морфемами *-ла* и *-чжо*, как и настоящее глагольное сказуемое. Примеры употребления *-ла* и *-чжо* в сказуемом обороте, являющемся определением к сказуемому, приводятся на стр. 158; оформление глагола в сказуемом обороте, являющемся определением к существительному, встречается реже, но все же оно вполне возможно. В сказуемых оборотах второй группы глагол не может быть оформлен морфемами *-ла* и *-чжо* (но, между прочим, может образовывать формы с чистовидовым, а не видо-временным значением).

Сказуемый оборот, соотношенный с действующим лицом и допускающий оформление, свойственное обычному глагольному сказуемому, может быть в предложении только определением — определением к существительному или определением к сказуемому (т. е. обстоятельством). Сказуемый оборот, обозначающий действие отвлеченно, употребляется в общем в тех же функциях, что и конструкция с предикативной связью; в частности, обе эти конструкции не могут употребляться как определение к сказуемому (обстоятельству).

«Последовательно связанное предложение», которое проф. Ван Ляо-и тоже сближает с «объемлющим предложением», состоит из двух конструкций с предикативной связью, причем какое-то слово, составляющее часть первой конструкции, одновременно является подлежащим второй конструкции. Последовательно связанное предложение проф. Ван Ляо-и иллюстрирует примером: *Ни \ цзяо та / лай* «Позови его», дословно: «Ты вели ему прийти» или «Ты вели, чтобы он пришел» (стр. 164). В этом предложении он находит две предикативные связи: *ни \ цзяо та* «ты вели ему» и *та / лай* «он придет»; слово *-та* «он» входит как дополнение в состав первой из этих конструкций и как подлежащее — в состав второй.

Под названием «последовательно связанного предложения» проф. Ван Ляо-и объединяет несколько довольно разнородных конструкций, причем толкование, которое он им дает, в ряде случаев вызывает сомнения. Так, приведенный выше пример (*Ни \ цзяо та / лай*) едва ли правильно рассматривать как содержащий две предикативные связи. Этот пример можно перестроить следующим образом: *Ни ба та \ цзяо лай* «Ты его позови». Слово *-та* «он» здесь вынесено вперед и поставлено перед глаголом *\ цзяо*; оно не находится в непосредственном соседстве со словом */ лай*. Это доказывает, что *та* является прямым дополнением к *\ цзяо* и не связано грамматически с */ лай*; последнее в действительности имеет в этом примере не знаменательное значение («прийти»), а служебное (в служебном значении */ лай* указывает, что действие, обозначенное предшествующим глаголом, — в нашем примере глаголом *\ цзяо*, — направлено в сторону говорящего лица: «позови его с ю д а»). Следовательно, */ лай* не создает второй предикативной связи. Точно так же служебными словами являются *\ цзяо* в примерах группы 2 (стр. 165—166), *\ ю* (*/ мэю*, */ у*) в примерах группы 4 (стр. 167), *\ ши* в примерах группы 11 (стр. 167—168).

Описывая специфические грамматические конструкции китайского языка, проф. Ван Ляо-и часто указывает на большие отличия грамматического строя китайского языка от строя европейских языков. При этом он подчеркивает, что различия между языками в области их грамматического строя ни в коем случае не должны истолковываться как свидетельство превосходства одного языка над другим: «...грамматические формы в языке любого народа — древнего или современного, в Китае или за границей — дают возможность выразить любую мысль; если в языке какого-либо народа отсутствует определенная грамматическая конструкция, то там существует другая конструкция, заменяющая первую. И тот, кто в зависимости от наличия какой-нибудь одной грамматической конструкции будет утверждать, ...что язык народа А лучше языка народа Б, докажет лишь свою пристрастность к этим языкам» (стр. 75).

«Основы китайской грамматики» не являются, конечно, полной грамматикой китайского языка. Многие важные вопросы в этой книге затронуты только мимоходом. Читателю, желающему получить более подробные сведения относительно того или иного грамматического явления, большую помощь окажут составленные А. А. Драгуновым примечания, где по всем спорным или недостаточно освещенным у проф. Ван Ляо-и вопросам указывается литература на китайском и русском языках. Помимо описания грамматического строя китайского языка, книга проф. Ван Ляо-и содержит (в двух первых главах) элементарные сведения о китайской фонетике и иероглифической письменности.

Русский перевод «Основ китайской грамматики» несомненно будет способствовать более глубокому знакомству советских востоковедов и лингвистов с языком великого китайского народа.

С. Е. Яхонтов